

Вся правда о моем отце.

Катя Гузема

Действующие лица:

Таня- 16 лет

Монолог.

Какой-то пустой длинный коридор с зелеными стенами.

ТАНЯ. Он всегда говорил, что у меня «ни котенка, ни ребенка». Так точно и говорил. «Ни котенка, ни ребенка, у тебя, Танька, никогда не будет.» Не, ну надо так сказать? Да чего там сказать? Может, сказал бы, я бы и забыла. Что такого? Сказал и сказал. Все глупости говорят. А он не просто сказал, он это вбил мне. Вбил, что у меня никогда не будет ни котенка, ни даже ребенка.

(пауза)

Фраза вообще идиотская, как по мне. Он любит вечно такое придумывать, говорить по поводу и без. Скажет и не подумает даже. «Котенок» и «ребенок» — это слова сами по себе хорошие же? Положительные в чем-то. Как-то спокойно от них становится немного. А он их во фразу эту дурацкую, и мне в лицо талдычит: «Ни котенка, ни ребенка! Ни котенка, ни ребенка». И между прочим, котенок был у меня. Ну, не котенок. Кот. Хотя он же не сразу кот был... Котенком сначала. Значит, я права. Я в первый класс пошла, мама мне его купила. А папа против был. Конечно, против он был. Раз котенок-то у меня есть, значит и его высказывания ни о чем вообще. Не в кассу совсем. Вот он и злился. А кот, Барсик его звали, чувствовал флюиды эти нехорошие от папы, и в ботинки ему всегда гадил. Нам смешно с мамой, а он бесится. Встанет утром злой, ну все утром потому что злые, идет там, умывается, бреется, одевается, к ботинкам нагибается, принюхивается, а там Барсик... А папе на работу в контору адвокатскую. Он адвокат, хороший очень, как я почему-то привыкла считать. На работу ему значит, а запах невыносимый. Кошки если метят, то не выведешь ни за что. Нам-то с мамой чего? Смешно, как я уже сказала. Нас Барсик любил, а папу боялся. Коты они чувствительные, чувствуют, то есть, когда человек хороший, а когда не очень. Кошки же не люди, им мозги не запудришь, у них взгляд на все свой. Барсик с нами спал в кровати. А с папой нет. Он ручной очень кот был. У меня коляска игрушечная была, кукол возить. Но я их там никогда не возила, какой от кукол толк? Я туда Барсика садила, а он и сидел, как будто, так и нужно. Мог бы поцарапать меня и убежать за диван, а не делал этого. Знал, что я ребенок и со мной нужно играть. Вот и терпел. А может ему и самому нравилось в коляске розовой сидеть... Там же удобно, если подумать.

Я во втором классе тогда училась. Домой пришла из школы, рюкзак скинула, зову Барсика. Он не идет. Ну, прячется, наверное, думаю. Посмотрела везде. Даже за диваном. Он там часто сидел, особенно после того, как папе насыт. Папа уходил потом на работу, а я за

диван заглядывала и звала его. И он выходил, весь в клочьях пыли. Там пыльно же за диваном, и помыть никак. Можно хотя и помыть, но не хочется никому. Ну вот, я зову. За диваном нет Барсика. А больше негде прятаться. Раз за диваном нет — значит нет вообще. Ну я подумала, посоображала немного. Потом села на пол и заплакала. Мама подбежала, давай расспрашивать, что случилось? Я говорю: «Барсика нету». Но мама тут же мне все объяснила, что у папы на работе есть дядя, который живет в деревянном доме. И у этого дяди дома мыши, а кошка этого дяди повредила лапку, поэтому папа предложил отдать этому дяде Барсика, чтобы тот ловил мышей, и дяде было комфортно жить.

(пауза)

Не придерешься даже. Через год мне тетя, сестра мамина, сказала, что Барсика моего усыпили. Моего кота. А он может другом моим, единственным был. Больше не было. И не может, а был. Я придумываю? Нет, честно. Меня не любят сверстники. Именно сверстники почему-то.

Это кажется, что я драматизирую тут, я не умею драматизировать даже, есть такие девочки, я полно таких знаю, но я не такая. Хотя я может и драматизирую... да, определенно так и есть, но я это по-тихому делаю, тихонечко, внутри себя. Так легче. Да и кому жаловаться-то? Кому надо? А интересно кому? Незачем кому-то там знать, что мой папа меня ненавидит, он и решил ребенка себе завести, чтобы его ненавидеть, и так сложилось, что этот ребенок это я. Я не придумываю. Другого-то у меня нет объяснения, а значит, это истинно верное. Я где-то прочитала такое утверждение. Зачем искать какое-то объяснение, когда итак понятно, что мой папа меня ненавидит. Нет, сначала я пыталась, найти его, объяснение это. Искренне пыталась. Я же любила папу. Все дочери любят пап, это и не я вовсе сказала. Маму я любила тоже, конечно, но и она любила его сильнее меня, так что тут мы похожи. Повезло да ему? Мне бы так. Только для этого родилась я не мальчиком. Жаль. Папа тоже прямо так и сказал: жаль. Просто: «Жаль». Ну, когда узнал, что я у него буду. Ни больше, ни меньше, только это. Это я прочитала в дневнике у мамы. Ей как-то было особенно нечем заняться после того, как она вышла замуж, и она стала вести дневник. Я, вот, не верю в эти дневники совсем. Мне кажется, что люди в них врут еще больше, чем в жизни. Все только и мечтают, чтобы кто-нибудь нашел их писанину под матрасом, и понял, какая же личность с тонкой душевной организацией ведет этот дневник, и какой богатый внутренний мир у этого человека. Хочешь послушать чье-то нытье, подойди и спроси. Только никто не подходит, не интересно потому что, и не нужно совсем. Отец не разрешал маме с ее подружками встречаться, проститутками их называл, вот она и завела дневник, раз с проститутками не дают общаться. А я потом нашла. И вот, первая запись там как у всех, типа : «Привет дневник, я Лена, мне 23, недавно я вышла замуж за Игоря, самого прекрасного мужчину моей жизни...» ля-ля тополя, и так страниц пять. Потом каждый день она пишет о своих ощущениях, походах по больницам, какие-то рецепты от простуды народные записывает, выписки из книги Бенджамина Спока, куча всего. А потом значит эта запись. И это папино «Жаль». Она ему сообщила, что девочка будет, а он так сказал. Сказал так, поцеловал ее и пошел на работу. В адвокатскую контору. Он там всю жизнь работает. Изо дня в день. Ему, наверное, нравится там, поэтому всю жизнь и в этой конторе. После этого мама долго ничего не писала в дневнике. Как-то ей не до этого было, я думаю.

Нет, он сразу себе это придумал, не любить меня. Он и маму, наверное, в тот момент и разлюбил, когда она ему сообщила обо мне. Пошел в адвокатскую контору и придумал это все. Он придумал себе, что вдруг ему понравится пить. Сильно пить. Не так как раньше. Говорю же, специально. Он не пил так до этого. А еще придумал, что надо иногда маму бить, чтобы и ей показать, что она – ничто, раз меня родила.

Мне маму больше всего жалко в этой ситуации. Она-то не при чем. Папа же ради меня это все затеял. Нет, как-то странно говорить «ради меня». «Ради» что-то хорошее делают: почку отдают, ислам принимают, или еще что благородное. А у него не благородно совсем.

(пауза)

Я недавно поняла, что ни разу никому не говорила: я люблю тебя. В 16 рано, конечно это еще говорить. Это потом уже направо и налево все талдычат. Знаешь, почему не говорила? Потому что мне не говорили. Только мама, но мама не в счет, это же мама. Она по-другому не может. Мамы так устроены. Они как узнают, что у них ребёнок будет, так сразу и начинают любить какой-то непонятный сгусток у себя в животе. Там нет еще никого в помине, а они уже всю жизнь готовы отдать ради кого-то, даже чего-то неопределенного.

Поэтому маму я не считаю.

Один раз я только говорила. Но это даже не считается. Папа тогда лежал пьяный сильно, на диване без постельного белья, просто, когда он пил, мама забирала все и уходила спать на диван в моей комнате. А он спал на голых подушках. И вот, это было воскресенье, пить он уже не пил, и целый день валялся, не подавая признаков жизни. Он лежал, а я подошла к его дивану, села на пол, на коленки, смотрела на него. Лицо у него красное, опухшее, он тяжело дышит, пахнет перегаром. Я смотрела и мне так жалко его стало, ему плохо, наверное, было, болела голова. Поэтому я взяла и просто сказала: папа, я люблю тебя. И всё. Я уверена, что он слышал.

Что меня всегда удивляло, это то, как папа мог пить беспробудно с самой пятницы, пить до состояния, когда стоять не мог, но зато утром в понедельник, как ни в чем не бывало встать в семь утра и пойти на работу. Он ни разу ее так не пропустил, не опоздал даже. И вот, по выходным мой папа мочится где попало, орет матом на мать, бьет, если она мешает ему. А в понедельник он уже в костюме, на работе. Так, конечно, было не каждую неделю. Но часто. У него было несколько стадий пьянства. Первая, это когда он выпил прилично, у него веселое настроение, он пристает к маме, и, если она сопротивляется как-то, или он увидел, что она забрала постельное бельё и ушла в мою комнату, он мог ее ударить. Вторая стадия – когда он сильно выпил, и без причины мог ударить. Третья – он просто падал. Лучше всего была третья. Так было спокойнее.

Хотя, бывали случаи, когда маме прилетало и по-папиному трезваку. Это даже хуже, чем по пьяни. Я тогда в первый класс пошла, и у нас начались уроки ИЗО. Учительница попросила принести гуашь, кисти, баночку для воды. А у меня этого ничего не было. И мама сказала папе, чтобы он после работы купил мне все это. В шесть вечера он пришел. В пакете он принес гуашь в маленьких баночках. «Медовая» она называлась. Пчела еще на коробке была нарисована. Я сидела в комнате. Они стали ругаться. Я не знаю почему. Это же так и бывает. Вдруг, ни с того ни с сего люди начинают кричать друг на друга. Без особой причины. Для меня это не было чем-то удивительным, поэтому я сидела в своей

комнате. Пока не закричала мама. Я выбежала из комнаты, мама сидела на полу, около дивана в углу, на лице у нее была кровь, она плакала. Я заплакала тоже. Папа стоял в своем костюме, говорил маме, чтобы она заткнулась. Потом он взял пакет, где лежала моя новая гуашь, кинул ее в стену со злости, потому что мы не затыкались. Две баночки от удара открылись. Зеленая и красная. Диван весь был в краске. Только было непонятно, где красная гуашь, а где мамина кровь. Папа мне сказал, чтобы я принесла ему тряпку из ванны. А я стояла и редела. Мама кричала, чтобы я ничего не приносила, пусть тут так все и остается, чтобы люди видели.

Потом он сам взял тряпку и начал оттирать все. Но он больше размазывал, а не оттирал. Мама все сидела в углу, а я стояла и смотрела. Я даже не пискнула.

На ИЗО я рисовала простым карандашом. Я не любила уроки ИЗО. Потом я часто находила на обоях махонькие пятнышки от гуаши. Зелёные и красные. Они незаметные, крошечные, капельки совсем, но если присмотреться, то можно увидеть их. А диван после того случая мы поменяли. Папа с мамой долго выбирали, ходили по магазинам. Диван был новый, а обои те же.

Кажется, что я так страшно все рассказываю, да? Ну тогда может и было страшно, а сейчас нормально уже. Просто неприятно. Я папу хоть всегда и боялась, но меня он никогда не трогал. Иногда мне даже хотелось, что он меня избил, а не мать. А он будто издевался. Бил маму, и заставлял меня смотреть. Знал, что я ничего не сделаю. Я мечтала быть на ее месте, вместо нее смотреть, на него сверху и бояться. Мне и сейчас, хочется, чтобы меня кто-нибудь ударил. Не избил, а именно ударил. Один раз, но сильно. Я бы представила, что это папа, и будто ему на меня не наплевать.

(пауза)

Из-за папы я все праздники терпеть не могу. День рождения, 8 марта, Новый год... Хочешь скажу почему, а то ты, наверное, удивляешься, что не люблю? Все-то любят. Все-то ждут. А я нет. Не люблю даже ни капли. Праздник же это выходной, так? А выходной — это очередной повод. Поэтому у нас почти никогда не было праздничного стола, семейных посиделок и всякого такого прочего.

(пауза)

Это было тридцатое число. Тридцатое декабря. То есть еще день и Новый год. И подарки у меня уже были. Папе на работе давали для детей сотрудников конфеты в коробке, разные-разные. Не все вкусные, конечно. Самые вкусные съедает, а потом остается штук десять таких не очень типа «Золотой маски» или «Цитрона», «Гусиные лапки» всякие или «Раковые шейки»... Как вот тоже можно конфеты назвать «Раковые шейки»? Это же почти что «Раковая опухоль». Конфеты «Раковая опухоль»!... А потом вроде все съел кроме них... А потом уже и их. Куда деваться-то? Все равно ж конфеты. Хоть и не очень. Конфета конфете рознь.

Елку мы уже поставили, только елки у нас никогда не было большой. Маленькая была, сантиметров тридцать, не больше. Но я ее так красиво наряжала, что она не хуже любой большой была.

И этого самого тридцатого числа у мамы на работе был корпоратив. И у папы был. Ему там естественно не хватило, он где-то по пути добавил. Сильно так. На стадии второй

пришел домой. А мамы еще не было. Я только была. И вдруг ему взбрело в голову, что мама где-то ему изменяет. Ему так логично это показалось. А что? Уже поздно, канун Нового года, ее нет, даже он пришел, а ее все нет, значит что? Значит изменяет. У него такая картинка целостная сложилась в голове его. Алкоголем навеяло. Я сидела в своей комнате и не высовывалась. Я знала, что мне он ничего не сделает. Он там ходил, шумел. Я вышла. Увидела, как он из холодильника взял бутылку детского шампанского моего. «Шампусёнок». Идиотское название. Будто для начинающих алкоголиков. Он достал ее. И так с ней и ходил. Держал в руке, как держат битую или топор. Потом он позвонил маме, орал в трубку на нее, типа, где она шляется, и он сейчас ее найдет.

Я ему сказала, что не надо ругаться на маму. А он больше только разозлился от этого. «Твоя мамаша сейчас придет, и я ее пришибу», – так он ответил мне. Он поставил бутылку детского шампанского на тумбочку в коридоре. Затем он достал из кармана куртки бутылку чего-то там и поставил диск «Ленинграда» на музыкальном центре. Ты только не думай, что он бухал, спирт какой-нибудь, как алкаши. Он не жалел денег на выпивку. Только хороший элитный алкоголь. Так уж заведено было у моего папы.

Пока он сидел, я не придумала ничего умнее, как тихонько забрать бутылку из коридора, чтобы ее не было... Будто он не мог что другое взять по необходимости...? Но мне тогда казалось это очень умным действием. Да и что еще было делать?

Я пошла в комнату, закрыла дверь, а бутылку спрятала в плетеную корзину с моими игрушками. Я в них давно не играла, но корзина стояла. Только думать я и могла, как об этой бутылке. Что, вдруг, папа ее на увидит в коридоре, и начнет искать. А она лежит там у меня, вся зеленая с толстым стеклом и с принцессой на этикетке.

Папа начал подпевать «Ленинграду».

...Я не хотела, чтобы мама приходила. Это было бы лучше для нее. Я не хотела, чтобы он опять бил ее, а я смотрела. Я сидела рядом с корзиной с игрушками, и мечтала, чтобы мама не пришла домой. Чтобы ушла куда-нибудь. Или действительно, изменяла бы с кем-нибудь. Так было бы даже лучше. Но она пришла. Папа уже спал. Она забрала постельное белье, как всегда, зашла в мою комнату, расправила диван. Я делала вид, что спала. Я люблю делать вид, что сплю, когда мама рядом. Она боится меня разбудить, мне нравится слушать, как она тихонечко ходит, занимается своими делами. Квартира у нас маленькая, все слышно, но она умудряется делать уборку, или печь что-нибудь так, что я ничего не слышу. Во сне все люди, как дети, даже мой папа. Но тогда, я просто не спала. Только делала вид, что сплю.

Она уже легла, как отец проснулся и понял, что она пришла. Я даже не вздрогнула, когда он с грохотом открыл дверь с ноги. Притворяться я умею. Поэтому я не слышала, как он начал матом на нее кричать заплетающимся языком. Я не слышала, как силой стащил ее с дивана, и вытолкнул из моей комнаты. Я даже не слышала, как она просила отстать от нее. Не слышала хлопка от удара. И уж тем более я не слышала, как скрипела родительская кровать. Я спала, я же сказала. Человек во сне не слышит; он спит. Вот и я, спала. Я притворяюсь так, что даже глаза сквозь веки не дергаются.

Утром папа ушел. За добавкой, наверное. Мама начала собирать вещи, сказала, что к бабушке поедет. Это было не в первый раз, и я была уверена, что мы поживем у бабушки с недельку, и обратно домой к папе. Я думала так, но в ту квартиру мы больше не

вернулись.

Папа, наверное, был доволен. Он же сначала все это и задумал. Мама думает, что это она решила уйти, на самом деле это все он подстроил, чтобы не было нас рядом с ним. Потому что я есть, потому что не то родилось, что ему хотелось. Мало того, что дочь, да еще и ни о чем. Это про меня так одноклассники говорили. На физре меня учитель попросил мальчиков позвать, мол урок начался уже, а их нет до сих пор. Я пошла к мужской раздевалке и слышу, как они девчонок обсуждают, кто бы с кем замутили. По некоторым так чуть ли не все сохнут, кого-то обсирают. А про меня знаешь, что сказали? Сказали, что типа у меня не жопы, ни сисек, и я ни о чем. А знаешь кто сказал-то? Валька Татаринов! Кто бы говорил еще. Валя... Да кто так детей называет? Сейчас имена такие только у бабушек за шестьдесят! А его назвали, вот и дебил такой вырос. Отрастил себе усы такие мерзкие, которые не усы даже, а так, волосы на попе младенца, и ходит будто самый взрослый. Волосы у него вечно сальные, ко лбу прилипнут и блестят. А еще рассказывает, как он и с кем мутит, и даже с кем переспал! Валька Татаринов! Переспал! Сто раз, ага.

«Ни о чем». Больше ничего не сказали. Только это. Про всех что-то сказали. А я ни о чем! Конечно, я не ботанка, не неформалка какая-нибудь, не такая вся из себя активистка, на учете не стою в милиции, не сплетница, не самая популярная, я даже не давалка! Что про меня скажешь, кроме как «ни о чем»? Вот именно!

Мне пофигу совершенно на них, так что-то, пусть что хотят — говорят, на себя бы посмотрели вообще. Дело будто есть мне до того, что они там думают. Я «ни о чем», потому что на меня все эти вот, как это? Ярлыки!.. Ярлыки-то не навешаешь. Они знать ничего о жизни не знали, бухали себе на вписках и все. Я просто не могла так же себя вести. И все из-за семьи, у них-то, конечно, все хорошо, папа и мама состарятся вместе и умрут в один день, а мои даже разговаривать спокойно не могут. Конечно, чего бы им не радоваться? А сами даже не догадываются, что я переживаю. Что мне выносить приходится. Развод родителей! Вот что. Мне даже стыдно кому-то было сказать об этом. Просто, я когда из школы уходила, и наоборот туда шла, делала вид, что иду с той стороны, где мы раньше жили. Я уверена, так бы сразу все заметили, что я с остановки автобусной иду (потому что жить мы стали вообще черти где), все бы поняли, что не так что-то. А повод им всем только дай. Я и учительнице врала, что типа, адрес у меня тот-же.

Это все родители, все из-за них. Из-за мамы больше, конечно. Ну надо было ей уходить? Кто ее просил?

Бьет... И что бьет? «Бьет-значит любит». Она просто эгоистка, только о себе и думала. А обо мне думала? Ага, щас! Больше всего я и натерпелась.

Я бы осталась с папой, но он бы не согласился... Уж я знаю. Да и мама бы не отдала. Как же ей тогда алименты за меня получать? Вот и держалась, как за прикрытие. Я ее спросила один раз: «Мама, зачем ты от папы ушла?». А он мне на это представляешь, как ответила? «Я не хотела, чтобы ты видела то, какой не должна быть семья» - Угу. Раньше тогда надо было сваливать, и не рожать меня совсем, раз не хотела. Нет, она сделала так, чтобы я привыкла, а потом свалила. Вот это очень хорошо по ее мнению.

Мало того, что, сначала мы жили у бабушки, которая мать тоже не очень-то любила, а потом мы вообще переехали в коммуналку, которую папа как-то давно покупал, чтобы сдавать квартирантам.

В этой коммуналке не было кухни и душа, да еще и воняло кошками. Вот куда она меня притащила, своего ребенка. Ну разве можно так издеваться? Папа всегда зарабатывал хорошо, и дома у нас был красивый ремонт, дома у меня была кровать красивая, большая, как в фильмах, телевизор был тонкий, и каналов было много, а тут ламповый телек с четырьмя каналами. Мыться приходилось ездить к бабушке, поэтому я постоянно с грязной головой ходила...

«Не хотела, чтобы видела то, какой не должна быть семья...». А ребенка увезти в коммуналку хотела значит? Очень хорошо, большое спасибо. Такая забота, что прямо не могу. Я же всего лишилась: машины (у папы она была), дачи, фотоаппарата, как у фотографов, красивой ванны, не обшарпанной, а новой и чистой. Как тогда, в детстве, она отдала Барсика, не подумав обо мне, так и сейчас. Только я вместо Барсика. Разница-то небольшая... Я или животное. Подумаешь! Мне и в коммуналке не плохо.

Потом мы, конечно, переехали. Мама копила, судилась с папой, потом взяла кредит и с горем пополам мы въехали в квартиру. Однокомнатную правда, но после того бомжатника, это просто дворец для меня был. Так я одичала с таким образом жизни.

И она даже выбрала квартиру в нескольких остановках от моей школы, хотя этот вариант был и подороже. Просто явно чувствовала вину, вот и хотела угодить.

Мама работала бухгалтером, в каком-то муниципальном предприятии, а по вечерам уходила в кафе, которое было у нас под окнами мыла там полы. Платили совсем мало, но ей нужно было хотя бы что-то. Я уверена, что тогда она сильно жалела о том, что ушла от папы. Не думаю, что полы мыть ей так нравилось. Знай она заранее о всем, что будет, ни за что бы не развелась. Сама напросилась и сама виновата. Значит хотела полы мыть, раз ушла.

(пауза)

У всех вокруг семьи идеальные. Были братья, сестры, и все жили счастливо. Собирались на Новый год, дарили друг другу подарки, ходили кататься на лыжах, и что там еще делают нормальные семьи? Я так хотела точно так же... Чтобы приходить домой – а там сидят мама и папа, спрашивают, как у меня дела и что нового в школе. Хочу, чтобы они пришли на мой выпускной вдвоем, снимали бы меня на камеру, а папа обнимал маму за талию, а потом мы бы попросили кого-нибудь сфотографировать нас втроем. Мама красивая была бы, папа тоже, и я по середине в платье и с прической, стою, и глаза у меня случайно закрыты, моргнула то есть, но я –то знаю, что я не моргнула, я их закрыла, потому что мне так хорошо сейчас, там, на той фотографии, а они будто охраняют меня с двух сторон, с самого рождения и до этого самого момента. Они радуются, что вырастили такую умную дочь, которой они гордятся. А я знаю, что дальше все будет так хорошо, потому что обо мне есть кому заботиться, целых два человека, вдвоем любят меня больше всего, потому что любят друг друга.

Мне пять лет, и у меня есть такая фотография. Там все точно так. И я завидую. Той, которая на фотографии. У нее там все есть, но она этого не понимает, для нее это совершенно обычно. Так и должно быть для нее. Только я знаю, как ей, пятилетней, там везет. Она тоже в платье, тоже красивая. Мне пять лет. Кажется, что папа любит маму, мама любит папу, а мне пять лет.

На фотографиях всегда все хорошо, потому что принято улыбаться, и все сразу

довольными выглядят. Смотришь альбом, как раньше, или фотографии «В контакте», и такие там все такие друзья, приобнимают друг друга за плечи, смеются, завидовать даже начинаешь. А потом на деле оказывается, что этот того ненавидит, эта изменяет, а эта парня увела. А может вон в той корзине на фотке бутылка лежит, которой твоей маме могут по голове ударить. Только не видно этого. И так со всеми. Но все равно, смотришь и веришь, что у них-то там все хорошо. Обманка такая. Со стороны всегда все хорошо.

Так и мне со стороны казалось, что новая папина семья – это то, чего у меня никогда не было и не будет. Он не долго жил один после развода, не долго – это еще слабо сказано. Он же привык, что ему готовят, убирают, стирают. А один он бы со всем не справился. Хотя, это не главная причина. Он-то прежде всего хотел мне показать, что хорошо жить без нас с мамой. Что мы вообще только жить ему мешали. А как мы ушли, сразу все хорошо у него стало, жизнь наладилась короче.

Он меня даже на свадьбу позвал, чтобы я посмотрела, как он счастлив. Но мне мама запретила туда идти. У меня был даже план, пробраться туда тайно и испортить им все. Как в кино, подстрою подляны, невеста сбежит, а папа поймет, кто ему нужен на самом деле. Но я трусливая для этого.

Папа даже сделал вид, что расстроился из-за моего отсутствия на их свадьбе. Вот что бы я там должна была делать? Поздравлять молодоженов, которым далеко за тридцать? Счастья желать? Семейного благополучия? Сервиз может от нас с мамой подарить? Я бы сидела там, как бедная родственница, и все бы меня жалели. Сидела бы и ела. А что еще оставалось бы? Пить я не пью, а вот сожрать там все я бы могла. Но роль так себе. Поэтому я никуда не пошла.

Потом она забеременела, что очень логично. Молодая семья, что им еще делать, кроме как детей заводить? Вот и завели. Папе повезло. Родился мальчик. Хотя бы во второй раз фартануло. А у меня появился брат. Мало того, что он младше меня (а младших всегда больше любят), дк еще и мальчик, как он всегда того хотел.

Только если кто-то меня спрашивал, есть ли у меня братья и сестры, я отвечала, что нет. И даже не потому, что я злилась... Я просто забывала об этом. Честно. Потому что он не был мне братом. Он был сыном моего отца, но не моим братом. Я всю жизнь росла одна, и сейчас одна. Без всяких там. Я его даже не видела до года. Не хотела. Так было проще, будто там какой-то воображаемый детеныш, я знать его не знаю, видеть не видела и это просто плод моего воображения. Или отец так шутит, а на самом деле нет у него никого.

Пока мне не позвонил папа, и не сказал, что сводит меня в кино. Мы только так с ним теперь виделись. По разу в месяц, а то и реже. Отработанная программа. Сначала идем в кино, потом заезжаем куда-нибудь поесть, в фаст фуд какой-нибудь, а затем он везет меня домой. И так всегда. Тогда отцовский долг был выполнен. Такой «воскресный» папа. И вот, я выхожу из дома, он встречает меня около подъезда. Молча идем до машины. Оказалось, у него новая машина, большая, с высокими колесами, как он всегда хотел. Я по привычке хотела сесть на переднее сиденье, но когда подошла поближе, увидела, что оно занято ей. Папа сказал: «Сегодня на заднем поедешь». Я открыла дверь, села, и только тогда заметила, что рядом детское кресло, и в нем сидит ребенок. Маленький мальчик, со светлыми волосами, как у меня в детстве. Смотрит на меня и пускает слюни. С ним в кресле валяются его игрушки, и среди них одна моя. Резиновый динозавр. Тот, который с

коротенькими ручками. Он грызет его, и динозавр тоже весь в слюнях.

Папина жена сказала, что этот ребенок похож на меня. Якобы она смотрела мои детские фотографии и это ей сразу стало понятно.

Я же не видела ничего общего, ни капельки. Он был совсем другой. Весь в нее. С папой не было ни одного сходства, а тем более со мной. А ребенок все сидел и пускал слюни. У него уже вся кофточка была насквозь мокрая, а его рот все не закрывался. И она сравнила его со мной!

На этот раз сценарий был другой, ведь с ребенком не пойдешь же в кино. Поэтому папа повез нас в зоопарк, будто я там что-то не видела! Но, зато ребенку очень интересно посмотреть, животные же там, ему интересно посмотреть на живых игрушек.

Пока мы ехали, я хотела открыть дверь и на ходу выпрыгнуть из этой его новой машины. Или закричать, чтобы он остановил машину. Но я этого не сделала, и знала, что не сделаю. Я только умею мечтать быть смелой. Я же трусиха... У самоуважения никакого нет у меня. Я, как примерная дочь, пошла в зоопарк со своей новой семьей. Большой и дружной. Так мы со стороны, наверное, смотрелись. Отец семейства, красавица – жена, взрослая дочь, и малыш-братик. Все сложилось. Как в рекламе какой-нибудь. Мы ходили от клетки к клетке, папа нес моего нового брата на руках, и показывал зверей, говорил, как они называются: «Это мишка косолапый, а это кто? Киса дикая. В лесу живет киса. А это, посмотри. О, серый – серый волк, вон зубы какие». Всем папашам папаша.

Потом он вручил мне ребенка, достал фотоаппарат. Сказал: «Гоша, смотри сюда в камеру, улыбайся, Гоша».

Мы должно быть выглядим счастливыми на той фотографии. Я ее так и не увидела. Но я уверена, любой, кто бы посмотрел на это фото, подумал бы: какой хороший отец, вон, какую дочь воспитал, и сына еще успевает растить. Хороший отец, всем бы такими быть.

(пауза)

Только после того раза прошло полгода, а папу я так и не видела. Теперь у него новый ребенок, которого он любит, в отличие от меня. Потому что он младший, потому что он такой, как хотел того папа. Я – это какая-то ошибка, я родилась от нелюбимой женщины. А сейчас у него новая семья, он не пьет, не бьет ее, строит дом за городом. Новой жене повезло, сейчас он хороший. А его сын не будет видеть, как он избивает его мать. Не будет видеть ее плачущей. Его матери не будет больно. А он сам, будет любимым сыном, и не будет знать, как это, быть ненужным ребенком. И своему сыну отец не будет говорить, что у него никогда никого не будет. «Ни котенка, ни ребенка». Он будет делать все для его светлого будущего. Все, чтобы он не вырос такой как я.

Я тебя тоже Гошей назову. Не знаю, даже кто ты, но пусть тебя так зовут. Только тебе не повезло, Гоша. Я с тобой поступлю так же, как мой папа со мной. Я не буду тебя любить. И ты мне будешь не нужен. И я даже не буду ждать пока ты родишься, чтобы ты это понял. Ты тоже ошибка, как и я. Ошибки никто не любит, их исправляют. Вот и я, исправлю все.

Я, наверное, специально сделала так, чтобы ты был внутри меня. Он же говорил, что «ни ребенка, ни котенка». Вот, он будет прав. Папе нравится, когда он прав. А я не хочу разочаровывать его.

У тебя тоже есть отец, только он про тебя не знает. И никто никогда не узнает. И я про тебя будто не знаю. Странно, да? Ты вроде есть, а никто ни сном ни духом. Нечестно по отношению к тебе, да? Думают, что нет тебя. Ничего ты для них не значишь. И для меня тоже. А ты вот тут, рядом живешь себе... а знать никто не знает. Это великая несправедливость, мне кажется. Я тебя очень сильно понимаю, Гоша, можешь мне в этом поверить. Ты один. Только я у тебя есть, но видишь, как я поступаю? Это потому что я похожа на папу. Мне так всегда говорила. У меня его характер. Я – папина дочка, и учусь на его примерах. Просто тебе не повезло, как мне. Я даже очень честно поступаю. Согласись, было бы хуже, если б ты родился, привык ко мне, а я б тебя бросила. Так обиднее. А я поступаю справедливо, потому что думаю о том, как тебе может быть обидно, когда я тебя брошу.

...Ты очень случайный человек, Гоша. Нас много таких, случайных, ошибочных. Ты же понимаешь?! Мы не по плану совсем. А мне всего шестнадцать, сам понимаешь. Это очень рано. Тем более, у меня был не очень хороший пример, и не могу быть настоящим родителем. Я же его копия, он может этого и не признавать, но так и есть. Так что, Гоша, ничего личного. Скажи спасибо своему дедушке. Он так сделал. Все дети похожи на родителей, и я тоже.

Висящая на стене круглая лампочка моргает два раза – значит можно заходить.

Из дневника моей матери:

15 февраля 1999 год.

Таня немного приболела. Видимо заразилась в больнице, когда мы ходили на плановый осмотр. Сейчас эпидемия, все болеют. На улицу не ходим гулять, холодно. Таню я одеваю тепло и выхожу с ней на балкон, потому что воздух необходим. Врач прописала детские капли в нос. Еще мне не нравится ее кашель. Делаю ей растирания, Тане это не нравится, сразу плакать начинает. По ночам от этого кашля плохо спит, и я тоже спать не могу. Прочитала в детском справочнике, что корень солодки очень хорошо полезен и маленьким детям его можно давать. Завтра надо будет добежать до аптеки. Пишу, пока она спит. Обычно я тоже ложусь спать, когда она засыпает, но сейчас все время слушаю, как она сопит и покашливает, и не могу спать. Боюсь, как бы осложнений не было.

У Тани глаза стали темнеть. Когда только родилась были совсем голубые, а сейчас ближе в серому. Красивый цвет, необычный. Вот, опять она кашлянула. Если лучше завтра не станет, буду вызывать врача на дом.

Конец.

Екатеринбург. Март

2015.

